Кр. Р2
С-30

БИБЛИОТЕКА
ПРОЛЕТАРСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ДМ. СЕМЕНОВСКИЙ

МИР-ХОРОШ

СТИХОТВОРЕНИЯ

АРТЕЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ „КРУГ" 1927

JR

Издательство
КРУГ

ДМ. СЕМЕНОВСКИЙ

МИР—ХОРОШ

(СТИХОТВОРЕНИЯ)

С предисловием
АЛЕКСАНДРА БЛОКА

АРТЕЛЬ ПИСАТЕЛЕЙ
„КРУГ“
1927

Набрана и отпечатано
в школе ФЗУ
при 1-й Образц. тип. Госиздата,
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № 81749.
Тираж 2.000 экз.
Зак. № 1014.

КР-40290

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

О ДМИТРИИ СЕМЕНОВСКОМ *).

Прочтя сначала под ряд тетрадь, я не пленился ни одним стихотворением в целом. Русь, революция, природа, против войны, против жестокости, немножко рабочего быта и переводы. Можно различить разные веяния, которыми окружен автор — племенные веяния (общерусские напевы, образы) и литературные.

В родовом, русском — Семеновский роднится иногда с Клюевым, не подражая ему, но черпая из одной с ним стихии; это как

---

*) Статья Блока написана по следующему поводу. - Весной 1919 г. я собрал все свои стихи в 3 сборника: „Заревые Знамена“ (революционные стихи), „Иконостас“ (церковные) и „Сомнительные стихи“ (ни хорошие, ни плохие). Сборники я послал Горькому,— мне хотелось издать книжку. Горький, очевидно, передал их для отзыва Блоку, который и написал статью „О Дмитрии Семеновском“. Статья в столичной печати неизвестна, в книги Блока тоже не вошла.

Д. С.

31/VII 26 г.

раз то, что мне чуждо в обоих, что приходится признать, с чем нельзя не считаться, но с чем, по-моему, жить невозможно: тяжелый русский дух, нечем дышать и нельзя лететь. Особенно роднят Семеновского с Клюевым такие образы:

Телега—ржаная краюха —
Увязла в медовый раствор.

Медовым раствором назван навоз — это совсем уже плохо, даже независимо от сущности. А сущность — липкое, парное, ржавое. Можно погрузиться в этот мир, как во всякий настоящий и непридуманный мир, и поверить, что „двор — уж не двор, а дворец“, потому что там — „сокровища кала“, но тут скоро задохнешься. В этом мире нет места для страсти — она скоро превращается в чувственность, и веянием этой обезличивающей чувственности уже проникнуты порою „природные“ стихи Семеновского: страсть уже обескрылена там, где начинаются сравнения (эти „опоясанные тучки“, эти „сироты-овины“, „мохнатые снопы“*), где начинают

---

*) Особенно рискованны такие образы (их много), как „мохнатый сноп“; казалось бы, это очень хорошо — ярко и сочно, но эпитет „мохнатый“ прилагается к животному, и в этой помеси растительного с животным начинает ропться чувственное, похотливенькое, мужичье. Сродни этому — „парная весна“ (не помню, есть ли у Семеновского). *А. Б.*

играть большую роль запахи, где постоянно близка ржавая болотная вода.

Вся эта часть, однако, более приемлема, чем та, где сказались разные литературные влияния. Надо быть очень культурным (звеном в длинной культурной цепи), чтобы заимствовать первосортное. Проникаться культурным влиянием — дело очень сложное и не личное только (т.-е. одних личных усилий и личной любви к культуре для этого мало), культура должна быть в крови; у Семеновского, кажется мне, недостаточно культуры, поэтому он сходен с разными образцами во второстепенном; а иногда чувствуется просто даже „насвистанность".

За землю, за волю, за хлеб трудовой
Идем мы с врагами бороться.
В ком сердце горячее бьется,
На бой, на бой, на бой.

Это есть в каждом номере каждого пролетарского журнала.

Подлинный поэт чувствуется в авторе второй тетради — „Иконостас"*). Здесь находят себе объяснение (хотя далеко не всегда — оправдание) главные недостатки Семеновского, и первейший из них — растянутость. Стихи

---

*) В настоящем издании названия тетрадей автором изменены. „Иконостас" входит теперь в тетрадь под названием „Захолустье" *Ред.*

эти длинны, как разглядыванье иконостаса во время длинных церковных служб, или как знойный и пестрый день деревенской ярмарки, к описанию которой не раз возвращается автор.

Этими длинными стихами о русских святых — как они на иконостасе и как они двинулись в крестном ходу — я бы и открыл книгу стихов Семеновского. Вышла бы небольшая, но очень своеобычная книга! Может быть, и в основных стихах следовало бы кое-какие строфы выкинуть.

Почему-то в отдел „сомнительных стихов“ попали стихи со строфой о божьей матери:

Громадны очи на лице
Спокойном, высохшем и смуглом,
Каменья теплятся в венце,
Как месяц, золотóм и круглом.

Это — по-настоящему сказано. Дальше поразило меня приятно — следующее:

Горя дрожащей бахромой,
Хоругви в небесах полощат.
Казаки с важностью немой
С коней оглядывают площадь.

Или:

С иконостасом на груди,
С борами на багровой вые,

Кричат народу: „Осади!“
Сердитые городовые.

Поэт любуется и казаками и городовыми, и не может иногда не любоваться, потому что он поэт, и непременно спорит с тем другим своим „я“, которое дробно барабанит:

Но восстанья пылающий сполох
Сжег до тла вековую тюрьму.

То „я“ никогда не простит другому, для которого „толпа колеблется, как рожь“, которое слышит, как

Гремит расстроенный орган:
„Когда б имел златые горы“...
Скотины рев, божба цыган...

Как все это хорошо!

Часто свойственно Семеновскому начать очень хорошо, а потом — сразу сбиться и вовсе свести на нет стихотворение. Таков „Ярославль“ с превосходными двумя начальными строками:

Скажи: „Ярославль“ — и в душе загудит
Торжественный благовест медный...

Таков перевод с еврейского; великолепна первая строфа:

Если я умру, не печалься, милый,
И пока земля надо мной свежа,

Шумно расплесни над моей могилой
Алую хоругвь, знамя мятежа.

Дальнейшие три строфы гораздо слабее. Может быть, в этом виноват подлинник.

— — — — —

Много рассеяно в этих стихах признаков живого дарования; многое поется, — видно, что многое и рождается из напева; рифма зовет рифму, иногда — новую, свою.

Из рукописей для книги я взял „Праздник", „Священник-большевик" и перевод с еврейского, „Высокая и тоненькая жимолость", „Звездным ликом в окно заглянула" и „Мечтатель" (перевод с немецкого).

Книгу надо бы автору самому обработать, я боюсь взяться за это. Отмечал я довольно скупо, часто стал бы сам выкидывать целые строфы, не только строки, может быть, даже менять слова, а этого постороннему лучше не делать: как бы ни казалось слабо и ненужно, может быть за этим у автора стоит нераскрытый образ, который раскроется впоследствии. Посторонний человек всегда недостаточно бережно относится, что я испытывал и на себе когда-то.

Ал. Блок.

8 июня 1919 г.

ГОЛУБОЙ МОСТ

МИР ХОРОШ!

Потоплю глаза в густой лазури.
Мир хорош. Душа весны сиия.
Длинные свои ресницы жмуря,
Солнце загляделось на меня.

Солнце щедро. Мир богат весельем.
Все мы, все весною богачи!
На березе виснут ожерельем
Черные пузатые грачи.

Кто-то ветер на поля свевает
С голубой лучистой вышины
И в один узор во мне свивает
Грусть и радость, явь и сны.

Любуйтесь любимым, любимой,
Пленяйтесь чужим и чужой,
Как борозды пашни родимой —
Мерцающей Млечной Межой!

Свои и чужие — навеки
Мы связаны тесным родством:
Есть отблеск звезды в человеке,
Есть мудрость в растенье простом.

И если небесная нива —
Вся в золоте солнечной ржи,
То пылом ржаного налива
И наши дрожат рубежи.

Под синим покровом вселенной
Никто никому не чужой,
И борозды нашин смиренной —
Не сестры ли с Млечной Межой?

ГОЛУБОЙ МОСТ.

Небо, что ли, сошло на пустырь
Из-за низких сырых облаков? —
Так синя придорожная ширь
От смиренных простых васильков.

Пусть лазурь утонула во мгле,
Пусть и я незаметен и прост,—
Я узнал, что от неба к земле
Голубой перекинулся мост.

Всех он сблизил: тебя и меня,
Звездный луч и дорожную грязь.
Поле, небо и сердце — родня,
И крепка наша вечная связь.

г-р-4029

СТОИТ ЖИТЬ!

Стоит жить на белом свете,—
Мир воистину хорош!..
Синь тепла. Подпасок — ветер
В перелески гонит рожь.

Пробежит травой вихрастой,
По пути задев цветок,
И с березки голенастой
Рвет истрепанный платок.

Я шатаюсь у опушек,
Пташек сестрами зову,
С грустью слушаю кукушек
Заунывную молву.

Синь небес, цветочный ветер,
Милый лик полей и нив,
Тот, кто вами жив и светел,—
Кроткой радостью счастлив!

Я знаю, что солнце, веселое солнце
Сияет во всем, обитает во всех:
В песчинке, в снежинке, в росе, в толокнце,
В ржаном колобке, в голубке и в осе.

Оно переплавилось в колос и в волос,
Оно притаилось во всяком из вас,
Оно остриями лучей прокололось
Из карих и серых девических глаз.

Я вижу его над своими путями,
Я солнцем, я с солнцем, я в солнце живу.
Сливаюсь с лучами, листами, цветами,
Влюбляюсь в людей и тянусь в синеву.

Когда же дышать и желать перестану,
Меня золотистым засыплют песком,
Но, кажется, я и тогда не устану
Тянуться под солнце упрямым ростком.

Я послан в мир, чтобы сказать,
Что неба праздничная риза,
Леса, холмы и луга гладь —
Великолепней Парадиза.

Я миру в дар несу канон
Ласкательных и сладких песен,
Чтоб этот мир узнал, что он
Неизглаголанно чудесен,

Чтоб человек, блажен и свят,
Дышал дыханием свободы
И, украшая жизни сад,
Молился красоте природы.

Я полюбил лицо земли,
Подобной радостному раю,
Живу — и на поля мои
Я милость мира призываю.

Весел май с соловьиными звонами!
Загуляли в полях лемеха
И, бренча бубенцами зелеными,
Запрокинулась в пляске ольха.

Вновь я грежу нездешними странами,
Снова даль загрустила по мне.
За ночными речными туманами
Скачет удаль на вихре-коне.

Хорошо мне в теплыни комариную
Любоваться, к березке припав,
Как заря раскидалась калиною,
Как речной задымился рукав.

Я люблю, ах, люблю тебя, родина!
Мне приятна кукушка твоя,
Полевая жалка загородина,
Луговая мила колея.

Горько мне кукованье унывное,
Как надежды несбывшейся весть.
Счастье, грусть, — молодое, призывное
В перекликах кукушечьих есть.

Все расцветшее с осенью встретится,
Все сойдет, как с поляны — роса,
Но весной и на кладбище светится
Золотая живая краса!

БЕРЕЗНИК.

К сугробу черствому прилеплен
Березник бледно-восковой
И благодарственно затеплен
Пред лучезарной синевой.

Иду навстречу шири вольной,
Ветрами вешними дыша,—
И, как березник тонкоствольный,
Тихонько теплится душа.

СМЕРТЬ.

Кто прожил жизнь, вкушая мало меда,
В чьей чаше был не мед, а горький яд,
Тот смерть зовет и ждет ее прихода:
Он утомлен и миру смерти рад.

Она придет. Встречай ее, царицу!
Ей исцелять страдания дано.
В земных полях полынь и медуницу
Скосит она равно.

ЖИМОЛОСТЬ.

Высокая и тоненькая жимолость
Как только листопада дождалась,
Туманами да изморозью вымылась
И в розовые серьги убралась.

Они дрожат, осенним днем расплавлены,
От них сияет каждая лоза.
В их розовое злато кем-то вправлены
Вороньи черные глаза.

О, грустный покой повечерья! —
Темны дорогие места,
И падают, падают перья
С отрепанных крыльев куста.

По мокрой земле, без дороги,
Забытое прясло бредет,
Споткнется на старые ноги
И, где привелось, упадет.

И вьются ползучие травы,
И брызжут дожди, хороня
Жердей сучковатых суставы —
Скелет полевого коня.

Скучна ты, ненастная осень,
Но сердце к тебе прижилось,
Как неба свинцовая осинь —
К унынию голых полос.

Мне больно за рвы, за лощины,
За все, что я вижу вокруг.—
Так ранят нам душу морщины
Родимых заботливых рук.

Зачем так недолго у прясел
Гостил незабудковый рай,
И цвет увяданья окрасил
Наш бедный заплаканный край?

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ.

Цепенеет дорога,
Рыжий лес молчалив.
И тосклив перелив
Медногубого рога.

Зябко бредит о снеге
Мой ограбленный край.
Только старой телеге
Все мерещится май.

ОБ ОДНОЙ ЛЮБВИ.

Радугу неги весенней,
Ласк, отравляющих кровь,
Ревности, клятв, уверений —
Назвали словом: любовь.

Эта — не мучила ревностью,
Эта — любила без клятв.
Лишь неизменной верностью
Цвел обожающий взгляд.

Эта — за мной ходила,
Словно вторая тень.
Эта — с меня не сводила
Глаз золотых весь день.

Может, сладчайшее счастье —
В том, чтоб лежать у ног
Или вдвоем сквозь ненастье
Слушать охотничий рог?

Шли мы опавшими листьями.
По лесу шопот и хруст.
Осень мехами лисьими
Кутала каждый куст.

Я уезжал — и скука
Ей застилала свет.
Жаль, что была она сука,
Жаль, что ее уж нет.

Жалко, что выстрел меткий
С брызгами крови отряс,
Будто с поникшей ветки,
Спелые ягоды глаз.

Люди мне дороги. Кровно,
Крепко я слит с людьми,
Но вспоминаю любовно
И о собачьей любви.

ИСХОД

ИСХОД.

Миллионы распятых на ложе продажном,
Заключенных в магический круг,
Угнетенных, томимых в аду стоэтажном —
Ждут исхода из каторжных мук.

Сколько капель в пучине, песчинок — в пустыне,
Сколько в прорастях полночи звезд,—
Столько их, погибающих в рабстве поныне,
Столько их, возносимых на крест.

Пригвожденные к пашне, к железной дороге,
К чадной фабрике,— это они
Гибли в войнах владык, возводили чертоги
И тонули в забвенье, в тени.

Срок настал. Мириады презренных отребий
Зачинают всемирный исход.
Крут и долог подъем, но завиден их жребий -
Недоступных достигнуть высот.

Человек — это мысль, устремленная
в вечность,
В несказанную тайну побег,
Это отблеск мерцаний твоих, бесконечность,
Это весть, что и бог — человек!

С ЕВРЕЙСКОГО.

Если я умру,— не печалься, милый,
И, пока земля надо мной свежа,
Шумно расплесни над моей могилой
Зыбкую хоругвь, знамя мятежа!

Встань под ним и спой песнь освобожденья.
С нею шли мы в бой, спаянные ей.
В этот гимн борьбы, в это песнопенье
Влит железный лязг сброшенных цепей.

И когда его кованые звуки
Долетят ко мне под могильный кров,—
О, с какой тоской заломлю я руки,
Как заплачу над судьбой рабов!

Крепок смертный сон, но и в царстве тленья
Я услышу стон боевой трубы
И спою бойцам гимн освобожденья,
Пламенную песнь подвигов борьбы.

Если я умру,— не грусти, мой милый,
И, пока земля надо мной свежа,
Шумно распахни над моей могилой
Алую хоругвь, крылья мятежа!

ЯРОСЛАВЛЬ.

Скажи: „Ярославль,“— и в груди загудит
Торжественный благовест медный,
И сердце таинственный отклик родит
На гул величаво-победный.

Скажи: „Ярославль,“— и пригрезится синь
И в синь вознесенные свечи.
То — город обветренных тяжких твердынь,
Взваливший столетья на плечи.

Все девять веков сокрушить не могли
Громады его многоглавой,
И звоны его над Поволжьем текли,
Воистину, ярою славой.

Но слушай: того Ярославля уж нет.
Грозой грохотала осада, —
И мшистые камни беспамятных лет
Развеяла буря снаряда.

Осыпала звезды с лазоревых глав,
По меди церквей прогудела,
Но, древнюю нашу красу расплескав,
Спасла всенародное дело!

И смута смирилась. Развеян мятеж,
Как пепел сожженной соломы.
Лишь раною светится каждая брешь,
Лишь язвами ноют проломы.

Я был на погосте разбрызганных стен,
В гробницах строений разбитых.
Я видел покорность захваченных в плен
И сон мертвецов незарытых.

Стоял над поволжской немой шириной,
Глядел в голубые туманы,—
А Волга лизала кровавой волной
Изрытого берега раны.

СХОДКА.

Перелески, овражки, овины.
Тонким ладаном рощи кадят.
Как цветы посередь лужавины,
Собирались сельчане у хат.

Билось красное знамя — жар-птица.
Словно пчелы, гудело в толпе:
— Нам, товарищи, надо сплотиться,
Как усатым колосьям в снопе! —

Расстилался покров-поднебесья,
Говорили с рекой камыши.
Пели птахи в трущобах полесья,
Куковала кукушка в глуши.

Не с похмелья, не с бражного пира
Затянул грамотей-паренек:
— Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...—

Осыпала звезды с лазоревых глав,
По меди церквей прогудела,
Но, древнюю нашу красу расплескав,
Спасла всенародное дело!

И смута смирилась. Развеян мятеж,
Как пепел сожженной соломы.
Лишь раною светится каждая брешь,
Лишь язвами ноют проломы.

Я был на погосте разбрызганных стен,
В гробницах строений разбитых.
Я видел покорность захваченных в плен
И сон мертвецов незарытых.

Стоял над поволжской немой шириной,
Глядел в голубые туманы,—
А Волга лизала кровавой волной
Изрытого берега раны.

СХОДКА.

Перелески, овражки, овины.
Тонким ладаном рощи кадят.
Как цветы посередь лужавины,
Собирались сельчане у хат.

Билось красное знамя — жар-птица.
Словно пчелы, гудело в толпе:
— Нам, товарищи, надо сплотиться,
Как усатым колосьям в снопе! —

Расстилался покров-поднебесья,
Говорили с рекой камыши.
Пели птахи в трущобах полесья,
Куковала кукушка в глуши.

Не с похмелья, не с бражного пира
Затянул грамотей-паренек:
— Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...—

Заливался девки, как птицы.
Откликались на песню леса.
За зеленой парчей яровицы
Протянулися рощ пояса.

Полыхало над улицей знамя,
Дружно пел на привольи народ,
И, овеяны вешними снами,
Перелески гремели: „вперед!..“

Болотами, лесами, топями,
Где глушь и темь и тишина,
Немыми елями, как копьями,
Ты, родина, окружена.

Но все же под лучами майскими
Ты в светлый рядишься убор
И рядишь цветиками райскими
Леса, луга и склоны гор.

Туманы белые и тонкие
Твой смуглый умывают лик,
И будит перелески звонкие
Кукушек грустный перекли́к.

Мне радостна весна короткая,
Весна печальная твоя,—
И звездная улыбка кроткая,
И сладкий щокот соловья.

... Туман, туман над луговинами,
По тесным избам бродит сон,
И всходит к звездам за овинами
Сторожевой протяжный звон.

СВЯЩЕННИК-БОЛЬШЕВИК.

Распрямилась согбенная выя,
Крылья бури шумят за спиной!
Край мужицкого Спаса, Россия,—
Ты горишь вихревой купиной.

В знойном пламени ближе Распятый,
В буйном грохоте явственней весть:
„В рай блаженный не внидет богатый,—
Груз именья в него не пронесть".

Спасе, я пребываю с тобою,
Так пребудь же во мне и со мной.
Обручаюся с новой судьбою,
Обещаюся доле иной.

Ты, кто выпил кровавую чашу
И, как агнец, безвинно заклан,—
Встань за красную родину нашу,
За рабочих и бедных крестьян!

Разгорайся, заря-зарянница!
Пробудись-поднимись, беднота!
Знаю: знамя твое — багряница
С тонких плеч Страстотерпца-Христа.

Мы взметнемся в последнем порыве,—
Золотых да не будет вериг!
Я — с Россией на новом Хориве,
Я — с рабочими. Я — большевик.

1918 г.

ЗАХОЛУСТЬЕ

СНЕГОВЫЕ КОРАБЛИ.

Летят, поскрипывая, сани,
Поеживается ездок.
Катят на розвальнях крестьяне
В голубоглавый городок.

Не стая ли судов крылатых
Выносится из-за холма?
На выбоинах и раскатах
Поматывается корма.

Как парус, криво накренилось
Нахлёстки острое крыло.
Уж за лесами схоронилось
В снега осевшее село.

В насквозь просвистанных халатах,
Неведомые моряки,
На кораблях своих крылатых
Поспиживают мужики.

Крепчает ветерок попутный,
Дорога снежная кипит
И ловит, ловит в пене мутной
Касанья кованых копыт!..

СТОРОЖКА.

За вязью елок смутно-шелестящий
Малинник вырос, буен, част и густ.
Здесь ягоды—нежней девичьих уст,
Алей углей и поцелуев слаще.
В малинник села старица — сторожка,
Оконки-очи мутны и малы.
Она пуста. В кусты прямей стрелы
Метнулася заглохшая дорожка.
Как дико здесь! В пустой дыре колодца
Живет семейство юрких бесенят.
К ним в гости ходят черти из болотца.
А ели сонно шепчут и звенят
И, прямо в тучи упершись верхами,
Качаются над хворостом и мхами.

ЛЕШИЙ.

Булькает в темном болоте водица,
Синь-гонобобель на кочках родится.
Леший присел на пенек,
Леший играет на дудке.
Ярок на рожках венок,
Нежны в венке незабудки.
Умер болотный денек.
Солнцев потух перстенек.
Небо — в огне, в заревой позолоте.
Красная девка гуляет в болоте.
Боязно девке-голубке. Одна,
Спине бусники ягод срывая,
Еле живая,
Ходит она.
Замер в болоте пастуший рожок.
Леший облапил, губами ожег.
Только высокой березке приснится,
Как над трясиною сгибла сестрица.

На небе теплятся ярые свечи.
Плач над трясиной звенит человечий,
Жалобный девичий стон.
Ломится, ухает леший в дубраве,
Хмурит косматые брови,
Ходит меж кочками он.
Спину мохнатую чешет,
Нечисть болотную тешит.

ИКОНОСТАС.

I.

Статная, ликом пригожая,
В затканном звездами плате,
Около терема божия
Ходит пречистая мати.

Зорькой ланиты застигнуты,
Губы алей земляники
И коромыслами выгнуты
Тонкие брови на лике.

Ризы — шелка нежноцветные —
Цветиков райских узорней.
Служат ей силы несметные —
Стражи обители горней.

В светлом раю Богородица
Ходит неспешно да чинно,

Белой рукой загородится —
Взглянет на сына кручинно:

— Господи, сыне возлюбленный,
Ласковый кроткий Иисусе,
Свет свой яви ты загубленной
Темной замученной Руси!

Вспомни дороги безвестные,
Где проходили мы, сыне,
Вспомни страдания крестные —
Смилуйся, господи, ныне!—

В радуге божия горница.
С грустью на землю взирая,
Света святая поборница
Ходит полянами рая.

Травы сбирает целебные.
Звезды мерцают на плате.
Гимны поют ей хвалебные
Легкокрылатые рати.

II.

В тихом поле, как пьяная, пляшет,
Рукавами зелеными машет,
Хороводами правит весна.
Златовласый, увитый цветами,
Ходит Власий земными путями,
Полевые святя семена.

Ходит ельником, ходит осинником,—
И в тумане предутреннем синеньком
Пышет, точно пожар, борода.
Звоны тихие по полю льются,
И лежат вдалеке, как на блюдце,
Села, пашни, леса, города.

Говорят ему старые пахари,
Многодумные вещие знахари:
— Свете Власий, стада нам храни,
Дай нам тихие красные дни,

Зори ясные, теплые росы,
На березы зеленые косы!

Взвей туманы, как дымы кадильные,
Урожаи пошли нам обильные,
Чтобы ниву колосья одели
Жарче золота риз парчевых,
Чтобы пчелы звонили-гудели
С колоколен своих восковых!

Вот разломаны своды тюремные.
К солнцу тянется голь подъяремная.
Всколыхнулся народный испод.
Больше нет ни рабов, ни господ.
Цвесть устам у пшеничной ковриги,
А очам разгораться у книги.

Быть с краюхой убогим и странникам,
Детворе — с раззолоченным пряником,
Бобылю-горемыке — с землицей,
Бесприютному — с красной светлицей,
Зорьке-девушке, светлой красе,—
С алой лентою в русой косе. —

То не алое светится зарево,—
Смотрит Власий на вешний расцвет.

И от лика благого да старого
Неземной излучается свет.
Ясно смотрит он и с умиленьем
Человечьим внимает моленьям.

Он идет — на падог упирается.
Где ни стукнет витым лапотком,
Там цветами земля убирается,
Словно девица пестрым платком.
А весна в поле пьяная пляшет,
Рукавами цветистыми машет.

III.

Немилостив и строг
Разгневанный пророк!

Как дуб, матер и древен,
Как туча, яр и гневен,
С усами снега чище,
С бровями, словно лес,
Косматый старичище
Кряхтя в телегу влез.
Стегнул коней дождями,
Ожег огнем-вожжами —
Поехал без дорог.
Телега громыхает,
А сбруя полыхает,
Зарницы отряхает...
Катит Илья пророк.

Как ветер, кони-дива!
Сметает звезды грива.

Мохнаты и густы,
Всклубились хвосты.
Кладет поклоны нива
И молятся кусты.

Илья по небу рыщет —
Дождем на землю прыщет.
Нечистому грозит
Стрелою громовой,
Катит, гремит, разит
Струею грозовой.

Ах, зла, светла, бела,
Быстра и горяча
Каленая стрела,
Небесная свеча,
Палючая струя,
Святая молонья!

Ой, боже, гневный боже,
Кажи богатых строже,
А бедного жилья
Не тронь, пророк Илья!
Не рушь угревы-печки,
Не жги в печи пирог,
Страстной пред Спасом свечки
Не задувай, пророк!

Еще, Илья, не трогай
Красы-дубравы строгой!
Небесные огни
В воде похорони!

Все небо охватил
Илья огнем летучим,
Далече укатил
По запылавшим тучам.
Над рубежом земли
Огонь чуть вспыхнет,
Гром проворчит вдали
И смутно стихнет.
Запахла глушь лесная,
Сильней цветут луга.
Спасла свеча страстная.
На небе расписная
Горит Ильи дуга.

IV.

Солнце в сизые тучи упало.
В тёплом мраке волхвует Купало.
Ему повинуются беси,
Сычи, лешаки, водяницы.

В трущобах дремучих полесий
Горит над цветами зарницы.
Оживают рогатые пни.
Чародейные светят огни.

Поклонюсь я заре-зарянице —
Полевой златогривой божнице —
И пойду по земле голубой
Чароваться ночною волшбой.

Полюблю я земные просторы,
Ветер, звезды, смолистые боры
И зажгу от купальских огней
Свечку тихую песни своей!

V.

Воздвиженье — Вздвиженье — Здвиженье!
С поля двинулись спелые ржи,
Из сада — малина да вишенье,
Из лесов — журавли да стрижи.

Железною стужей застигнуты,
Смешно двинулись утки в отлет.
К Воздвиженью скирды воздвигнуты
И богатый сулят умолот.

Вот все обмолочено, смолото
И рекой потекло в закрома.
Уж холодно солнце-во золото.
Надвигается злая зима.

Уж Здвиженье, двигая тучами,
Серой мглою задвинуло синь.
Тряхни-ка плечами могучими —
Сдвинь подлевку, а шубу надвинь!

VI.

Тихое Сырой Земли Успенье.
Уж отходит от нее душа.
Немо преставляются растенья.
Листья осыпаются, шуршa.
Небеса спокойны и невинны.
Все невинно говорит: „Прости!“
Закадили чадные овины.
Сжата рожь. О, сердце, не грусти!

Вот и хлеб на луках обмолочен.
Птицы, птицы покидают нас.
Лес стоит разубран, раззолочен
И сиянет, как иконостас.
Скоро ветер холодно подует,
И лугам уж больше не цвести.
Их зима схоронит, околдует
До весны. О, сердце, не грусти!

Солнце нам не хочет взгляда бросить.
Каплет дождь из-под небесных век.
Утром иней на траве, как проседь.
Тусклы дни. А вот и первый снег.
Мужики поедут по базарам.
Дочкам — ленты, в косы заплести.
Рака льда горит холодным жаром.
Сон глубок. О, сердце, не грусти!

1915—1917 г.

ПРАЗДНИК.

I.

По улице толпа течет,
Высоко образа вздымая,
А солнце ярое печет,
И ясно, ясно небо мая.

Скопленьем риз, икон, голов
Дремотный городок запружен
И голосом колоколов
И гулом уличным разбужен.

Микола-Солнышко и Спас
С Ильей серебряннобородым
Покинули иконостас,
Пошли по городу с народом.

С толпою шествуя вперед,
Глядит на рубища, на лица,
На свой возлюбленный народ
Боголюбивая Царица.

Громадны очи на лице
Спокойном, высохшем и смуглом.
Каменья теплятся в венце,
Как месяц, золотóм и круглом.

Егорий в латах и с копьем,
Победоносный, юный, гневный,
Смял змея вздыбленным конем
Пред очарованной царевной.

Горя дрожащей бахромой,
Хоругви в небесах полощат.
Казаки с важностью немой
С коней оглядывают площадь.

В глазах пестрит от стихарей,
От пыли, поднятой ногами.
В ушах звенит от тропарей,
Что глохнут в топоте и гаме.

Священники кресты несут.
Их ризы ярче костяники.
В толпе поют про Страшный Суд
Седобородые калики:

...Солнце и луна светиться
В день последний перестанут.

Небо кровью замутится,
Часты звезды в темень канут.

И тогда земля сырая,
Ровно свечка, загорится,
И от края и до края
В кровь вода перетворится.

И архангельские рати,
Славой молний повитые,
В небесах зачнут играти
В трубы громкие литые.

Рухнут горы. Камни треснут.
Заметутся реки прахом.
Все усопшие воскреснут,
К Судии придут со страхом...

Порою в чашку кинут грош:
— Прими-ко Христа-ради, старче!—
Толпа колеблется, как рожь,
Толпа цветов медвяных ярче.

И впереди и позади
Она струится в тесном русле.
В ответ колоколам—в груди
Запели трепетные гусли.

Толпа, стоглавая змея,
Вдоль узких улиц извитая!
Люблю итти с тобою я,
Среди счастливых дум витая.

Я — лишь звенящая струна,
Я — лютик с полевого лона,
А ты соборна, ты шумна,
Полна смятенья, пенья, звона.

О, как вся эта пестрота
Лохмотьев, ярких узорочий,
Девическая красота —
Чаруют и пленяют очи!

Нестройный гам, обрывки слов,
Истошный крик и плач кликуши
И пестрый звон колоколов
Неудержимо льются в уши.

Слепцы все тянут древний стих,
Под лоб закатывая очи.
Старухи обступили их,
Слезинку выронить охочи. —

...Будут князи, будут власти
И лихие человеки

У змеи в железной пасти
С сатаной гореть вовеки.

А святые сядут рядом
С серафимами под пальмы
Любоваться Горним градом,
Воспевать согласно псальмы.

Веселиться в райских кущах,
В гусли звонкие играя,
Возле рек, млеком текущих,
В берегах медовых рая...

Мне любо тайно подмечать
Девичьих уст мольбы и вздохи,
Глазами зоркими встречать
Зениц стремительных сполохи.

И если вдруг увижу я:
Взмахнет мохнатая ресница,
И взгляд, как молнии струя,
Меня ожжет из-под нея,—
О, смутно, смутно грудь моя
Любви предчувствием стеснится.

Сегодня тихая весна
Загар на девушек навеет.

На их устах, сладка, красна,
Малина огненная спеет.

И станут по ночам оне
Кого-то призывать с любовью,
И статный Витязь на коне
В сереброкованной броне
Прильнет в безгласной тишине
К девическому изголовью.

В его глазах горит гроза
И, как серпы, бровей излуки...

II.

А уж на площади воза
Оглобли подняли, как руки.

Там на прилавках поиски,
Платки с причудливым узором.
Цвет-ленты, перстни, образки
Разложены на зависть взорам.

Вот „Песенники", вот „Крючков",
Вот „Гроба тайны роковые".
Внимательно из-под очков
Старик разглядывает „Вия".

В лавченках — жамки, леденцы...
Народ, охвачен вешним хмелем,
Валит к узорным, как венцы,
Дрожащим зыбким каруселям.

Выкрики торговцев.

... Солонницы, плошки,
Расписные ложки,
Чашки с резьбою —
Бери с бою!..
... Пироги подовые!..
... Пряники медовые!..

Песня сборщика.

... Пожертвуйте, радетели,
Отцы и благодетели,
Небесной царице —
Заступнице усердной!
Заплатит сторицей
Вам Спас милосердный...

Грохочет глухо барабан.
Кричит фигляр. Стучат колеса.
Толпа у входа в балаган
Пьяна, мятежна, стоголоса.

Там балалаечник-урод
С подмостков хрипло завывает,
Коверкается и орет —
На представленье зазывает.

Плясуний балаганных рой
(Царевны в разноцветной сказке),
Пьянясь гармоники игрой,
Сверкая вязью, мишурой,
Бренча монистами, порой
Там выступает в плавной пляске.
С иконостасом на груди,
С борами на багровой вые,
Кричат народу: „Осади!“
Сердитые городовые.

Гремит расстроенный орган:
„Когда б имел златые горы“...
Скотины рев, божба цыган,
Молва и песни, брань и споры.

Толпа кипящая валит,
Седую пыль, как дым, вздымая,
А солнце знойное палит,
И нежно, нежно небо мая.

1916 г.

ПАСХА.

Над миром солнышко, как полымя.
Земля под муравою сохнет,
А звон плывет-плывет над селами
И где-то за туманом глохнет.

Колокола галдят, как пьяные.
Без умолку палят из пушки.
И выпучив глаза стеклянные,
Трясутся дряхлые избушки.

А старики в подшитых валенках
Ползут с полатей под оконца
Погреться на сухих завалинках,
В гроб унести побольше солнца.

Горят раскрашенные яйца,
Катясь с зеленого пригорка,
И с перезвонами сливается
Гармонная скороговорка.

Но тихо за лесами спзыми!
Как зеркальца,—в низинах лужи.
Священными блистая ризами,
Отец мой в дымных избах служит.

Как лик румяный, солнце ярое.
В глубоком сне лесная чаща.
И вздрагивают избы старые,
Оконца за реку тараща.

1914 г.

Звездным ликом в окно заглянула,
В синий сумрак вперила лучи.
Тихо в доме. Мама уснула,
Изголовье ее — кирпичи.

Плечи мамы сгорбили ведра,
Чугунами надорван живот,
Загрубело лицо от ветра,
А в уме забота живет.

Тает ночь от звездного жара.
Близко утро. Скоро вставать.
Агнец-Спас и святая Варвара
Грустно смотрят на спящую мать.

Ей мерещится в тонкой дремоте,
Что истаяла звездная ночь.
Вьюжный день призывает к работе,
Но подняться на зов невмочь.

Здравствуй, отеческий кров
С негой родного гнезда!
В кружеве черных дерев
Бабочкой бьется звезда.

Дымчатой кошкой сугроб
Ластится молча к ногам.
В петлях запутанных троп
Сумерки никнут к снегам.

Мир вам, звезда, тишина,
Старый отец мой и мать,
Ветхие прясла гумна
И серебристая гладь!

Ласковой, доброй молвой
Чудятся вздохи коров.
Смутен простор снеговой,
Тепел отеческий кров.

КАРУСЕЛЬ.

Не базар, а муравейник!
Беспризорная коза,
Баба, маг, фигляр-затейник
Разом ломятся в глаза.

Смотрят с завистью мальчишки,
Возле „пышечной“ толпясь,
Как уписывает „вспышки“
Чья-то розовая пасть.

Все от пыли порусели,—
Даже чистильщик сапог!
Вкруг узорной карусели
Завился людской венок.

Ах, наряден, ах, неистов
Удалой круговорот!
Пара хмурых гармонистов
Веера трехрядок рвет.

Бахрома, парча, дерюга —
Все скипелось в пестрый вихрь.
Пляска бабочек иль вьюга?
Листья ль мчатся? Тени ль их?—

Не поймешь. Струисто блещет
Сумасшедшее кольцо.
Пыльный ветер так и хлещет
В загорелое лицо.

К чорту все! Сверкай и лейся,
Разухабистая трель,
Зыбче пенься, шибче вейся,
Карусельная мятель!

Шатко площадь заходила...
— Помирать — не миновать!..
„Сама садик... я садила...
Сама буду... поливать“...

ЯРМАРКА.

Солнце ярко. Небо сине.
Балаганы, камни, зной.
Бахрома из парусины
Карусели расписной.

Пыльны камни. Ясны кровли.
В лавках — пряники, ситца́...
Хрип шарманки, гул торговли,
Завыванья паяца.

День весенний знойн, долог.
Небо клонит синий полог.
Жарко блещут карусели позолотой, мишурой,
А кругом — кольцо прохожих и мальчишек шумный рой.

На коней точеных сели.
Завертелись карусели.

Звоны бубна, стон гармоник, вихрем
вьется бахрома...
Мчусь, лечу... Кружатся лавки, балаганы
и дома.

Там, у крытого прилавка,
Где нестройный говор, давка,
Где быстрей людской поток,
Заалелся твой платок.

Будет радость нежной встречи,
Смех, доверчивые речи.
Васильки твоих очей
Зацветут еще ярчей.

Солнце жгуче. Небо сине.
Балаганы, лица, зной.
Ряд заплат на парусине
Карусели вырезной.

ГАРМОНИКА.

Колокольчик, лютик на поле,—
Краше девичий наряд:
С шеи бусинки закапали,
Губки заревом горят.

Тонкий шарф, как пена, клубится,
Завитые волоса...
Взглянешь — всякая полюбится,
Что ни девушка — краса!

По селу звенит гармоника
Все село поет — орет.
Даже дед столетний с конника
Слез и выполз на народ.

Полно охать да сутулиться!
Весел праздник у села.
Растревоженная улица
Голуба, желта, ала.

Парни ходят и бахвалятся.
Липнут к девкам. Каждый — франт:
Картузы с затылков валятся,
На груди трепещет бант.

Девки быстрым глазом косятся, —
Мрут сердца у молодцов:
— Кабы ястребом наброситься,
Впиться в ротик бы пунцов! —

Месяц встал над луговинами,
Задымилася роса,
За лобастыми овинами
Притаилися леса.

Пахнет медом, пахнет мятою,
В небе много тихих свеч.
Над сырой травой примятою
Слышишь ласковую речь?

Видишь, — с милыми голубятся,
Низко клонятся в цветы?
Кружева, как пена, клубятся.
Косы лентами свиты.

Сладко парню с ярой лаской
У роспстого куста
Целовать девченку - ласточку
В земляничные уста.

Есть у грустных и стройных напевов над
душою волшебная власть.
От красивой ласкательной песни ты тайком
напечалишься власть,

И душа заболит без причины, и о крыльях
вздохнешь глубоко,
И потянет родные морщины приласкать-
приголубить легко.

Вот распев симиструнного хора в огорченное
сердце проник, —
И восторженной сладостной грустью истекает
сердечный родник.

Потому ли, что юности бедной закатилась
навеки звезда,
Иль что годы уходят бесследно, навсегда,
навсегда, навсегда?

Оттого ли, что в мире широком красота
несказанная есть,
И прекрасному синему раю суждено при
дороге расцвесть?

О, источник блаженной печали, потаенный
незримый родник,
Я душою, как твой плакучей, над тобой
безглагольно поник.

Две кукушки куковали
В темной чаще на ели.
Как любимого венчали,—
Меня под руки вели.

Две слезинки, две росинки
Покатились с лица.
Из-за скомканной косынки
Мне сняли два венца.

В звонкой чаще две кукушки
Куковали на ели.
Две потайные подружки
Меня под руки вели.

РАССВЕТ.

Под ногой похрустывает иней.
Предрассветной мглой поля повиты.
Под сырой косынкой тучи синей
У зари румянятся ланиты.

Жалко мне весны моей короткой,
Жалко мне любви — звезды падучей.
Шелестит полынь за изгородкой.
Тихо зорька теплится под тучей.

Алый пышет свет из-за овинов,
Из-за куч растрепанной соломы.
Спят ометы, до бровей надвинув
Яровые ржавые шеломы.

Снег и грязь. Полоумный Сережа
Рысцой пробегает с мешком.
У Сережи обужа-одежа
Не ладят с дождем и снежком.

...„Святый боже"... Кого-то хоронят.
...„Святый крепкий"... Качается гроб.
Кто-то в луже свинцовой тонет,—
Не лужа — всемирный потоп!

Кляча тащится. Полчеловека
Дрожит у кирпичной стелы.
— Помогите,— бормочет калека,—
Солдату германской войны!..

Ну, свисток! Заспешила забота:
— Работать, работать скорей!..—
Ненасытно глотают ворота
Угрюмых, чумазых людей.

Там, за окнами, как в лихорадке,
Трясутся, трясутся станки.
В механическом бьются припадке
С утра до утра челноки.

Вечереет. Фонарь незажженный
В голубую влюбился звезду.
Галка тянется в сад обнаженный
К обитому ветром гнезду.

Тихо. Только громадина ткацкой
Все рвется в дремотную муть,
Да томится кручиной кабацкой
Пропащей гармоники грудь.

И острог и собор хорошеют
В молочном сиянье луны.
Зыбким роем над городом реют
Тревожные смутные сны.

Щи с говядиной снятся Сереже.
— Урра-а! — хрипит инвалид...
А иной и забылся бы тоже,
Да глупое сердце болит.

Тучи. Вывески: „Дрожжи", „Пивная",
„Парикмахер", „Заливка калош".

Ложь, — что где-то есть жизнь иная,
Ни на что непохожая ложь!

Как поверить в [illegible] горы
И в сияющий морской простор,
Если возле — косые заборы,
[illegible] [illegible] да [illegible] [illegible]?

Только [illegible] [illegible] и [illegible]
В сердце [illegible] [illegible] [illegible], —
И [illegible] [illegible], [illegible] [illegible].
Говоришь: — Ах, тоска, тоска!..

Человеку у нас одиноко.
Люди? Мало их [illegible] [illegible]!
В скольких [illegible] [illegible] [illegible]
О [illegible] [illegible] то хитрость, то [illegible]!

Гуденье церковной меди
Над городом плывет.
Прохожий несет к ободне
Тяжелый комод – живот.

Солидны его движенья,—
Видать, что не кое-кто!
На сытом лице — уваженье
К себе, к животу, к пальто.

Такие довольны судьбою,
Хотя и живут без затей.
Он давит клопов на обоях,
Сечет на досуге детей.

А в праздник, после обеда,
(Не бойтесь: это — во сне!)
Хватает [illegible]
И [illegible].

Полдня—то еда, то пкота.
А вечером в семь часов
В раскрашенные ворота,
Скрипя, задвигает засов.

Как ставни, опущены веки
На маленькие глаза.
Вот так он уснет навеки
И ляжет под образа.

Его отпоют по чину.
Друзьями окружена,
Безвременную кончину
Умело оплачет жена.

Спи с миром, как спал многократно!
Ты в жизни оставил след,—
Клопиные бурые пятна,
Свидетельство скромных побед!

РАЗГОВОР С ЗАБОРОМ.

'Ito вам угодно и кто вы? Забор?
Очень приятно встретиться!
Впрочем... долой напускной задор, —
Грустью душа моя светится.

Друг мой, забор, пожалей чудака!
Проклял он жизнь окаянную.
Оловом дум налитая башка
Никнет на грудь деревянную.

Прикосновенье шершавой доски —
Будь мне, как ласка Варина!
Ах, кипятком, кипятком тоски
Грудь забулдыги ошпарена.

Там, за лесами, у вязких дорог
Бедный отец его старится,
В накипи горя, забот и тревог
Мамино сердце варится.

Кто-то метет золотой бородой
Серую гладь за селами.
Нет, это листья летят над водой
И над полями голыми.

Не зазвенят бубенцы на лугу,
Не улыбнутся Митеньке,—
Черные мысли в его мозгу
Правят вороньи митинги.

Только... к чему это я говорю?—
Тайные слезы осушите ль?
Тем не менее благодарю:
Вы — терпеливый слушатель!

Друг мой случайный, почтенный забор,
К чорту мои страданья!
Я городил удивительный вздор.
Все — хорошо. До свиданья!

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Стр.

Александр Блок. О Дмитрии Семеновском 7

ГОЛУБОЙ МОСТ

Мир хорош! 15
Любуйтесь любимым, любимой 16
Голубой мост 17
Стоит жить! 18
Я знаю, что солнце, веселое солнце 19
Я послан в мир, чтобы сказать 20
Весел май с соловьиными звонами! 21
Березник 23
Смерть 24
Жимолость 25
О, грустный покой повечерья! 26
Поздней осенью 28
Об одной любви 29

ИСХОД

Исход 33
С еврейского 35

Ярославль 37
Сходка 39
Болотами, лесами, топями 41
Священник-большевик 43

ЗАХОЛУСТЬЕ

Снеговые корабли 47
Сторожка 49
Леший 50
Иконостас 52
Праздник 64
Пасха 72
Звездным ликом в окно заглянула 74
Здравствуй, отеческий кров! 75
Карусель 76
Ярмарка 78
Гармоника 80
Есть у грустных и стройных напевов 82
Две кукушки куковали 84
Рассвет 85
Снег и грязь. Полоумный Сережа 86
Гуденье церковной меди 89
Разговор с забором 91

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРТЕЛИ ПИСАТЕЛЕЙ „КРУГ“

Москва, Центр, Кривоколенный пер., 14.

Новости русской литературы.

АЛЕКСЕЕВ, ГЛЕБ. Иные глаза. Рассказы. 216 стр. В переплете. Ц. 1 р. 50 к.

БАБЕЛЬ, И. Беня Крик. Кино-повесть. В перепл. Ц. 1 р.

БЕЛЫЙ, АНДРЕЙ. Московский чудак. Роман. 256 стр. В переплете. Ц. 1 р. 80 к.

БЕЛЫЙ, АНДРЕЙ. Москва под ударом. Роман. 248 стр. В переплете. Ц. 1 р. 80 к.

ВОРОНСКИЙ, А. За живой и мертвой водой. Воспоминания. 256 стр. В переплете. Ц. 1 р. 75 к.

ГРИГОРЬЕВ, С. Коммуна Мэр-Мила. Повесть. 132 стр. В переплете. Ц. 1 р.

ЗАМЯТИН, ЕВГ. Нечестивые рассказы. Стр. 180. В пер. Ц. 1 р. 60 к.

ЗАЯИЦКИЙ, С. Баклажаны. Рассказы (печатается).

НОВИКОВ, И. Вишни. Рассказы. Стр. 288. В пер. Ц. 2 р.

СЕЛЬВИНСКИЙ, И. Улялаевщина. Эпопея. 148 стр. В перепл. Ц. 1 р. 50 к.

ТОЛСТОЙ, А. Древний путь. Рассказы. Стр. 184. В пер. Ц. 1 р. 60 к.

ТОЛСТОЙ, А. и ЩЕГОЛЕВ, П. Азеф. Пьеса. В перепл. Ц. 1 р.

ТРИОЛЕ, Э. Земляничка. Роман. 176 стр. В пер. Ц. 1 р. 50 к.

ФЕДОРОВИЧ, ВИТ. Спор с господином. Рассказы (печатается).

ЧАПЫГИН, А. Разин Степан. Роман исторический, том I. 292 стр. В переплете. Ц. 2 р.

ЧАПЫГИН, А. Разин Степан. Том II. 356 стр. В переплете. Ц. 2. р. 40 к.

ЧАПЫГИН, А. Разин Степан. Том III. Стр. 390. В пер. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАПЫГИН, А. На лебяжьих озерах. Роман (печатается).

ШКЛОВСКИЙ, В. Третья фабрика. 144 стр. В пер. Ц. 1 р.

ЭРЕНБУРГ, И. Лето 1925 года. 208 стр. В пер. Ц. 1 р 50 к.

ЯВИЧ, А. Путь. Роман. Стр. 384. В пер. Ц. 2 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРТЕЛИ ПИСАТЕЛЕЙ
„КРУГ“

Москва, Центр, Кривоколенный пер., 14.

Новости иностранной литературы.

АШ, Н. Контора. Рассказы (печатается).
БАРБЮС, А. Насилие. Повести. 196 стр. В пер. Ц. 1 р. 50 к.
БЕНУА, ПЬЕР. Альберта. Роман 232 стр. В пер. Ц. 1 р. 50 к.
БЕРЕСФОРД, Д. Дом № 73. Роман. Стр. 224. В пер. Ц. 1 р. 40 к.
ВАСТ, УГО. Каменная пустыня. Роман (печатается).
ДЕБЕРЛИ, А. Пытка Федры. Роман (печатается).
ДЮМЬЕЛЬ, П. Красавица с острова Люлю. 192 стр. В переплете. Ц. 1 р. 25 к.
ДЮАМЕЛЬ, Ж. Дневник святого. Роман (печатается).
ЖИД, А. Подземелья Ватикана. Роман-фарс. 252 стр. В переплете. Ц. 1 р. 75 к.
ИСТРАТИ, П. Нерантсула. Роман (печатается).
КЕЛЛЕРМАН, Б. Два брата. Роман 320 стр. В пер. Ц. 1 р. 75 к.
МАК ОРЛАН, П. Фабрика крови. Рассказы. 140 стр. В переплете. Ц. 1 р. 25 к.
МОРАН, П. Открыто ночью. Новеллы. 208 стр. В переплете. Ц. 1 р. 50 к.
СОБРЕРО, М. Знамена и люди. Роман. 248 стр. В переплете. Ц. 1 р. 50 к.

Библиотека пролетарских писателей.

БРАЖНЕВ, Е. В дыму костров. 176 стр. В пер. Ц. 1 р. 25 к.
СЕМЕНОВСКИЙ, ДМ. Мир — хорош. Стих 96 стр. В пер. Ц. 1 р.
ТВЕРЯК, А. На отшибе. Повесть. 240 стр. В переплете. Ц. 1 р. 50 к.

Романы приключений.

БРИДЖС, В. Человек ниоткуда. Роман. 252 стр. В переплете. Ц. 1 р. 50 к.
КАДУ, РЕНЭ. Атлантида под водой. Роман. 312 стр. В пер. Ц. 2 р.
МАК ОРЛАН, П. Желтый Смех. 168 стр. В пер. Ц. 1 р. 25 к.